

А узник кто?

По произведению А.П. Чехова «Пари»

Ксения Доманова, 10 класс, Рославль

Номинация «Свободная литературная форма»

Была поздняя осень. За окном шел мелкий холодный дождь. Ветки старой липы, повинуясь порывам пронизывающего ветра, настойчиво стучали в окно. В комнате царил полумрак. В кресле напротив камина сидел седоволосый старец. Он был настолько худ, что больше походил на египетскую мумию. Казалось, что он спит. Сейчас уже трудно было узнать в старце гордого и самоуверенного, некогда богатейшего и известнейшего в определенных светских кругах банкира.

Неожиданный треск горящей свечи заставил старика зашевелиться, он, словно вышел из оцепенения. С трудом поднявшись из кресла, банкир, громко шаркая тапками по полу, подошел к такому же старому, как он сам, несгораемому шкапу. В нем находилось нечто, что вот уже десять лет не давало покоя старцу. Ключ, вставленный в замочную скважину, со скрипом и трудом повернулся, дверца шкапа открылась. Трясушимися руками банкир извлек из него два пожелтевших листка бумаги. Тяжелой поступью он проделал обратный путь к креслу и буквально упал в него.

Переведя дух и надев на тощее, такое же пожелтевшее, как лист бумаги лицо, очки, он принялся внимательно читать документ, составленный двадцать пять лет назад. Это был договор пари, заключенного тогда между ним и молодым юристом. В нем спорящие стороны «условились, что в продолжение пятнадцати лет он (*юрист*) будет лишен права переступить порог флигеля, видеть живых людей, слышать человеческие голоса и получать письма и газеты. Ему разрешалось иметь музыкальный инструмент, читать книги, писать письма, пить вино и курить табак. С внешним миром, по условию, он мог сношаться не иначе, как молча, через маленькое окно, нарочно устроенное для этого. Все, что нужно, книги, ноты, вино и прочее, он мог получать по записке в каком угодно количестве, но только через окно.

Договор предусматривал все подробности и мелочи, делавшие заключение строго одиночным, и обязывал юриста высидеть ровно пятнадцать лет, с 12-ти часов 14 ноября 1870г. и кончая 12-ю часами 14 ноября 1885г. Малейшая попытка со стороны юриста нарушить условия, хотя бы за две минуты до срока, освобождала банкира от обязанности платить ему два миллиона». С каждой минутой старик словно оживал: в глазах появился блеск, рот искривился в недоброй улыбке. Затем он взял другой лист бумаги и прочитал его. Наконец, откуда то из самой глубины его души, вырвался стон.

***

«Глупец! Как можно было дойти до такого абсурда! Неужели это я десять лет назад стоял рядом с этим человеком и рыдал от его благородства! Несомненно, тогда я должен был благодарить его за столь неожиданный поступок. Прежде всего, по причине того, что он не дал совершить мне убийства. Я отчетливо помню ту ярость и ненависть, с которой я вошел во флигель. Тогда это письмо остановило меня от рокового шага. Теперь же именно оно заставляет меня считать себя полным ничтожеством.

Он пишет, что презирает меня и весь мир: «По чистой совести и перед богом, который видит меня, заявляю вам, что я презираю и свободу, и жизнь, и здоровье, и все то, что в ваших книгах называется благами мира. <...> ... я презираю ваши книги, презираю все блага мира и

мудрость. <...> Вы обезумели и идете не по той дороге»*. А почему собственно он считает меня безумцем? Разве он не такой же безумец? Добровольно лишиться себя свободы и отказаться от выигрыша — это тоже безумие. Хотя он тысячу раз прав, я полный глупец, который решил купить его жалкую свободу за такие огромные деньги. Сейчас, потеряв абсолютно все и пребывая в нищете и полном одиночестве, я осознаю, какую ошибку совершил в своей жизни. Тогда, двадцать пять лет назад, я дал волю своим эмоциям, которые затмили мне рассудок. Ведь я поставил на кон не только два миллиона, но и всю свою жизнь. По сути дела, я содержал чужого мне человека, оплачивал ему крышу над головой, пищу и выполнял все его прихоти. Он жил на всем готовом и ни в чем не нуждался, кроме конечно свободы. Но, если посмотреть с другой стороны, ведь никто ни лишал его этой свободы, он мог выйти в любое время из своего заточения и ничего бы не потерял, на кон он поставил не деньги, а всего лишь нечто нематериальное. За это никто бы не стал его высмеивать и никому бы он ничего не был должен.

---

*В тексте приведены цитаты из произведения А.П. Чехова «Пари» (А.П. Чехов. Сочинения. Том седьмой. 1888-1891. — М.: Издательство «Наука», 1985.— с 229-235).

Сейчас мне совершенно не жаль этого человека. Он в полном расцвете сил и достаточно умен и начитан, он удачно выбрал свой дальнейший жизненный путь. Только очень горько осознавать, что именно я причастен к его духовному росту, это я заплатил за его образование и самосовершенствование. Повинуясь собственной гордыне, пятнадцать лет своей жизни я прожил в ожидании срока уплаты долга молодому выскочке.

Разве я мог себе позволить тогда, более двадцати лет назад, чтобы мой узник содержался в каземате? Слишком высоки были мои амбиции в то время, а за них приходилось платить. Конечно, я считал, что пятнадцать лет — это нереальный срок, и что юрист не выдержит и двух-трех лет, поэтому не жалел денег на все его требования. А между тем, взять, к примеру, рояль, на котором он музицировал первый год пребывания во флигеле. Он обошелся мне в 200 рублей. Четырнадцать лет доставки книг тоже влетели в копеечку.

Сейчас я могу честно признаться самому себе, что когда узник в пятый год своего заключения попросил вина, я обрадовался. Я посчитал, что это конец его выдержке и уже предвкушал, что выиграл пари. Как же я был смешон, когда целый год тратил огромные деньги на лучшие сорта вина от Рауля, Депре, Бауэра. За одну лишь бутылку я платил до 9 рублей. Юрист пил настолько много, что мог выпить в день до трех бутылок отличнейшего вина — а это ни много ни мало, а около 10 тыс. рублей. Кроме этого, по праздникам, по моей личной инициативе, юристу доставляли коньяк по цене около 100 рублей за бутылку. Сейчас мой широкий жест выглядит комично.

А еда, она ведь тоже не бесплатна! Да, конечно, я не знаю, сколько бы тратил на обеды заключенный, пребывая он на свободе, но обычный обед тогда стоил около 2 рублей. Не могу сказать, сколько моих средств было потрачено на его питание, но могу с уверенностью утверждать, что за пятнадцать лет он заплатил бы около 11 тыс. рублей».

Банкир смолк, у него не было сил рассуждать вслух дальше. И все же его мозг работал, продолжая подсчет.

Обычная стоимость съёмной квартиры была примерно 15 рублей в месяц, это значит, что юрист сэкономил на жилье около 3 тыс рублей. Тысячи, тысячи рублей им, банкиром были выброшены «на ветер». Разве мог бы молодой юрист, в те годы имеющий жалованье младших чинов госслужащих в размере 20 рублей в месяц, позволить себе такие траты?

***

Банкир хорошо помнил, как в начале шестидесятых годов начался рост акционерных коммерческих банков. Он терпеливо выжидал, взвешивал все плюсы и минусы, подсчитывал суммы возможной прибыли. В конце концов — решил, что вложит часть своего капитала в

это дело. Интуиция его не подвела. В начале 1875 года число акционерных коммерческих банков увеличивалось со страшной силой. За каких-то пять лет их стало уже 39, кроме того каждый из них имел не одно отделение. Банки специализировались в первую очередь на кредитовании крупных предприятий, фирм и компаний. А поскольку в это время очень бурно развивалось строительство и промышленность, то, как говорится, сам Господь Бог велел войти в число акционеров таких компаний. Банкир это отлично понимал. Огромным плюсом было и то, что в 1872 году законом был утвержден типовой устав, который разрешал всем коммерческим банкам одинаковый перечень операций с финансовыми средствами. Из пассивных операций банки принимали вклады, открывали и вели текущие счета клиентов, имели право переучитывать векселя в других кредитных учреждениях. Основными активными операциями были: учет векселей, ссуды под разные залоги в виде государственных и частных ценных бумаг, документов на товары, драгоценные металлы. Банки занимались также комиссионными операциями, принимали ценности на хранение, покупали и продавали ценные бумаги и золото, векселя на иностранную валюту. С 1870-х гг. активно развивался новый вид операций — ссуда в форме специального текущего счета, или онколь («до востребования»). В качестве залога по такой ссуде также могли использоваться ценные бумаги, товарные документы, драгоценные металлы. Уже в 1881 году активы таких банков составляли около 36% от активов системы краткосрочного кредита страны, и, как следствие — заняли ведущие позиции в системе краткосрочного кредита, проводя 68% активных операций. Поле деятельности для банкира было огромным. Однако проклятое пари и разгульный образ жизни поставили огромный крест на этом предприятии. Старик тяжело заерзал в кресле. Даже сейчас ему было неловко вспоминать о том, как тогда, в восьмидесятом, он был вынужден отказаться от предложения его приятеля, такого же банкира, как и он сам, стать компаньонами и создать свой коммерческий банк. Старец плохо помнил неловкие объяснения своего отказа, но в глазах приятеля ему показалась ироничная насмешка. Казалось, что все прежнее окружение банкира знает о его трудном финансовом положении, испытывает к нему жалость и презрение одновременно. Он тогда еще не знал, что впереди его ожидает еще более неприятное событие.

***

К 1888 году дела банкира были совсем плохи. Все его имущество было отдано под залог. Здоровье окончательно подорвано. Активная финансовая деятельность, рискованные сделки и спекуляции, азартная биржевая игра сделали свое дело. Однажды, в такую же осеннюю дождливую погоду к нему пришел посетитель. Старик оживился, уже давно к нему никто не заглядывал и не интересовался, жив ли он вообще. В комнату вошел человек средних лет, со вкусом одетый. В руках у незнакомца была папка с бумагами. Он молча кивнул головой в знак приветствия и разложил перед банкиром карту, которая была исчерчена сетью линий. Старик в недоумении взглянул на посетителя. Какое то непонятное волнение охватило его, сердце бешено забилось в груди. — Не стану долго объяснять Вам цель моего визита, — сказал мужчина. — Вы, конечно, знаете, что в настоящее время ведется строительство Закаспийской железной дороги. Она уже доведена до Самарканда, а в следующем году по плану ее строительство будет продолжаться до Андижана. Железнодорожные пути пересекли Каракумы. Вам также должно быть известно, что многие частные лица активно участвуют в строительстве как этой, так и многих других железных дорог. Я пришел к Вам с предложением стать моим компаньоном, и принять участие в этом предприятии, чтобы потом стать, как и я, владельцем части этого железнодорожного пути. Вы — банкир и понимаете дальнейшие перспективы и прибыль от этого дела. Я не прошу у Вас денег, зная о Вашем финансовом состоянии. Мне необходимо лишь Ваше согласие и подпись на документе.

Банкир вдруг осознал причину своего нервного напряжения. Он узнал этого человека, это был юрист, тот самый самонадеянный выскочка, который когда то круто изменил его жизнь. Старик гордо встал и указал мужчине на дверь:
— Вон! Вон из моего дома! Я не принимаю подачек!
Ночью банкира хватил удар.

***

Сколько потраченных впустую средств, сколько упущенных возможностей! Старику было стыдно признаться самому себе в том, что он не пустил свои капиталы в выгодные предприятия лишь по одной простой причине: страх того, что ему нужно будет рассчитывать с юристом, висел над его головой все эти пятнадцать лет, словно Дамоклов меч. Это не юрист был пятнадцать лет заключенным, это он — банкир отбывал наказание за свою глупость, гордыню и амбиции.